



DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.1.6>

UDC 332.1
LBC 65.04

Submitted: 19.11.2025
Accepted: 12.01.2026

IDENTIFICATION OF THE POTENTIAL FOR INCREASING THE BALANCE OF LABOR MIGRATION IN RUSSIAN REGIONS BASED ON AN ANALYSIS OF THEIR MIGRATION ACTIVITY

Elena I. Yangirova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article compares the migration activity of regions with different types of working-age population growth in order to identify territories with a high migration rate but a low balance of labor migration. The study focuses on migration processes among the working-age population in Russian regions from 2019 to 2023. To assess migration activity, indicators such as interregional, international, and total migration turnover are used. These include regional structure, growth rates, average values, intensity, and efficiency coefficients. Using the quartile method, the article analyzes the structure of migration activity in terms of regions with positive and negative labor migration balances. The comparison between interregional and international migration activities of the regions is also made. An assessment is given of the imbalances in the migration flows of the regional system of the Russian Federation, which have been formed under the influence of the emerging migration activity of its regions. It has been determined that international migration acts as a factor that compensates for significant distortions in interregional migration. A number of regions have been identified that have a high net migration outflow and are included in the top quartiles in terms of intensity of migration turnover. This indicates their attractiveness for migration and the potential for increasing the balance of labor migration.

Key words: labor migration, migration activity, migration growth, regions of Russia, quartile analysis, inter-regional turnover, working-age population.

Citation. Yangirova E.I. Identification of the Potential for Increasing the Balance of Labor Migration in Russian Regions Based on an Analysis of Their Migration Activity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2026, vol. 28, no. 1, pp. 69-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.1.6>

УДК 332.1
ББК 65.04

Дата поступления статьи: 19.11.2025
Дата принятия статьи: 12.01.2026

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ПОВЫШЕНИЯ САЛЬДО ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ИХ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Елена Ирековна Янгирова

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведено сопоставление миграционной активности регионов с различным типом миграционного прироста трудоспособного населения для выявления субъектов с высокой интенсивностью миграционных потоков, но низким сальдо трудовой миграции. Объектом исследования выступили миграционные процессы трудоспособного населения в российских регионах за 2019–2023 годы. Для оценки миграционной активности использованы показатели межрегионального, международного и общего оборота миграции: их региональная структура, темпы роста, средние величины, коэффициенты интенсивности и эффективности. На основе квартильного метода проанализирована структура квартилей миграционной активности с точки зрения представленности в них регионов с положительными и отрицательными значениями

сальдо трудовой миграции. Проведено сравнение межрегиональной и международной миграционной активности регионов. Дана оценка диспропорциям в миграционных потоках региональной системы Российской Федерации, формируемых под влиянием складывающейся миграционной активности ее субъектов. Определено, что международная миграция служит фактором, компенсирующим значительные перекосы в межрегиональной миграции. Выявлен ряд регионов с высоким чистым миграционным оттоком, входящих в верхние квартили по коэффициенту интенсивности миграционного оборота, что свидетельствует об их миграционной привлекательности и наличии потенциала наращивания сальдо трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная активность, миграционный прирост, регионы России, квартильный анализ, межрегиональный оборот, трудоспособное населения.

Цитирование. Янгирова Е. И. Выявление потенциала повышения сальдо трудовой миграции российских регионов на основе анализа их миграционной активности // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2026. – Т. 28, № 1. – С. 69–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.1.6>

Введение

Выявление потенциала повышения сальдо трудовой миграции представляет собой важнейшую задачу, поскольку она является ведущим импульсом социально-экономического развития российских регионов и дестабилизирующим их деятельность фактором, но она же является не менее значимым результатом этого развития. Ведь, наверное, как никакой другой индикатор она может наиболее ярко в комплексе свидетельствовать о высокой конкурентоспособности, успехах, динамичности движения региона, а с другой стороны, со всей остротой объективно обнажать накапливающиеся системные и глубинные проблемы субъекта РФ. И значимым свойством трудовой миграции является то, что она представляет собой сложное и многогранное явление, поэтому не обуславливается лишь какой-то одной проблемой, не привязана к конкретному фактору, а формируется под влиянием их совокупности.

Этому сложному содержанию соответствует и теоретическая база трудовой миграции, которая не только обширна, но и достаточно противоречива.

В основу этой базы входит теория Э. Ли [Lee, 1966], изучавшего соотношение выталкивающих и притягивающих факторов, влияющих на масштабы миграции, и указавшего на значимость помимо общеизвестных (различия между территориями в уровне экономического развития, бедности, доходов) таких из них, которые особенно актуальны для современной России, а именно: разнообразие регионов, количество национальностей, сопровождение каждого потока миграции встреч-

ным потоком, более выраженное влияние только выталкивающих факторов в виде ухудшения социально-экономических условий, противоречивый характер привлекательности территории, стимулирующий одновременно выезд и въезд мигрантов. Кроме того, исследования Е.М. Моисеевой показали различия факторов миграции в зависимости от возраста мигрантов, например, жилищные условия наиболее существенны для молодых людей, а для зрелых возрастов важным является состояние сферы здравоохранения [Моисеева, 2025].

К тому же в теоретических положениях А.Л. Мабогунье [Mabogunje, 1970] рассматриваются процессы миграции из сельской местности в городскую и представляют их в виде системы, состоящей из мигрантов, институтов, отношений (к примеру, обратная связь между мигрантами – весьма значимый фактор усиления миграции, что обосновывает и Д.С. Мэсси [Massey, 1990]), механизмов адаптации, комплекса стимулов. И изменения в одном из элементов вызывает трансформацию всей системы. В дополнение к приведенным элементам Дж. Харрис и М. Тодаро [Harris et al., 1970] подчеркивают, что современное капиталистическое производство развивается в условиях сохранения традиционного полунатурального сельского хозяйства, поэтому миграция возникает как следствие такой двойственности экономики и ее усиливает не избыток рабочей силы в сельской местности, а ожидание более высокого дохода в городе, при этом уровень безработицы в городской местности сдерживает миграционные процессы. Тем не менее О. Старк [Stark, 1991] подмечает, что в обратном направлении возникает и возвратная миграция вследствие

стремления использовать сбережения, накопленные в процессе работы в городе, в сельской местности ввиду их более высокой покупательной способности.

В свою очередь, М.Н. Филатова, Т.В. Еремичева [Филатова и др., 2025] обращают внимание на то, что трудовая миграция меняет подход к анализу экономики, фиксируя переход акцента с отраслевой структуры товарного производства к структуре рабочей силы, смещение от «образа товара» к «образу работника». И вопрос заключается в том, кто больше соответствует этому образу – коренные жители или мигранты? Например, М. Пиоре [Piore, 1979] считает, что самой природе индустриального общества присуща потребность в труде мигрантов, восполняющих дефицит рабочей силы, особенно в низкопродуктивных секторах с невысокой оплатой труда и низкими требованиями к квалификации.

В то же время И. Валлерстайн [Wallerstein, 1989] указывает на объективную закономерность, заключающуюся в том, что основная часть трудовых миграционных потоков направляется в крупнейшие города с развитой промышленностью, рост которых вызывает в дальнейшем расширение спроса на трудовых мигрантов.

Однако перечисленные факторы трудовой миграции обладают условностью. Так, Дж. Карлинг [Carling, 2002] обращает внимание на интересный и важный момент. Значительное число теорий трудовой миграции, в том числе и приведенные выше, увязывают масштабы миграционных потоков с различиями в уровне экономического развития территорий. Несмотря на усиление этих различий, между развитыми и развивающимися странами не происходит адекватного роста количества мигрантов, которых, как подмечает и Дж. Арано [Arango, 2000], в случае подтверждения ведущей роли разницы в доходах должно было бы быть существенно больше. Согласно С. Каслсу [Castles, 2000], доля мигрантов на протяжении длительного времени сохраняется на уровне 2–3 % от численности населения в мире. Следовательно, необходимо анализировать не только выбор мигрантами направлений для переезда, но и рассмотрение ими возможностей остаться на месте пребывания.

В отношении России также отмечается относительно низкая в сравнении с зарубежными странами межрегиональную мобильность населения РФ [Internal Migration ... , 2015]. Между тем за последнее десятилетие миграционные потоки в России неуклонно растут [Пруель и др., 2020]. При этом другими учеными указывается на усиление дифференциации миграционного развития страны, заключающуюся в разрастании ареала регионов с миграционным оттоком и сокращении относительно небольшой зоны, обладающей положительным миграционным приростом [Современные тенденции ... , 2020].

Отметим, что помимо негативных социальных последствий трудовой миграции, выражающихся в расширении теневого сектора, обострения общественной напряженности, угрозах национальной безопасности, о которых, в частности, говорят В.В. Позняков и его соавторы [Позняков, 2025], А.В. Топилина, О.В. Кузьменко [Топилина и др., 2024], нужно обратить внимание на следующую неэквивалентность замещения трудовых ресурсов, проявляющуюся в большинстве регионов и описанную Е.Х. Тухтаровой [Тухтарова, 2022], О.В. Лифановской и В.Н. Гришиным [Лифановская и др., 2025]. Она заключается в том, что дефицит трудовых ресурсов, включающий нехватку квалифицированных кадров, обуславливается оттоком рабочей силы из-за трудовой миграции и преимущественно восполняются за счет низкоквалифицированных трудовых мигрантов. Это приводит к тому, что подобные регионы, по сути, безвозмездно отдают не просто квалифицированных специалистов, но и значительные инвестиции, вложенные в них (прежде всего, в образование) [Карова, 2020]. Кроме того, возрастание доли низкоквалифицированных мигрантов обуславливает фискальную диспропорцию, а именно: превышение социальных затрат, направляемых на них, над налоговыми поступлениями и страховыми взносами, получаемые от этой группы занятых, что приводит к возрастанию нагрузки на бюджет в части социальной сферы [Топунова и др., 2025].

Объясняя низкую миграционную активность, Т. Файст [Faist, 2000] указывает на то, что большинство мигрантов предпочитает оставаться на месте, то есть фактические

значения миграции всегда ниже ее потенциала, который составляют экономические и неэкономические выгоды от переезда на новое местоположение.

По мнению П. Фишера и его соавторов [Why do People ... , 2000], на современном этапе макроэкономические различия между регионами все меньше влияют на принятие решений о миграции. Люди склонны отказываться от них, поскольку накапливают ряд преимуществ, которые дает им текущее местоположение, работа и отдых, и появляется угроза их лишиться в случае переезда, то есть речь идет о непринятии рисков миграции.

Российские ученые [Карцева и др., 2020] также обосновывают, что межрегиональная миграция обуславливается зачастую не экономическими, а иными мотивами, среди которых причины, связанные с образованием и семьей.

Таким образом, проблемы трудовой миграции оказываются настолько сложными, что, опираясь только на экономические причины, построить всеобъемлющую теорию невозможно, нужно шире и глубже изучить мотивы и реальные действия мигрантов [Castles et al., 2005].

Выше было отмечено, что миграционная активность весьма противоречива, но как она связана с итоговым значением сальдо трудовой миграции, так называемым «сухим» остатком на территории трудовых мигрантов? Именно этот вопрос лег в основу настоящего исследования, цель которого заключается в оценке миграционной активности регионов с различными типами миграционного прироста трудоспособного населения и выявлении на этой основе субъектов РФ, имеющих потенциал повышения сальдо трудовой миграции и способных обеспечить более сбалансированное миграционное развитие региональной системы страны.

Гипотеза исследования заключается том, что есть регионы с положительным сальдо трудовой миграции, которые характеризуются относительно пассивными миграционными процессами, и есть регионы с отрицательным сальдо, которые обладают высокой миграционной активностью.

Объекты и методы исследования

При всем многообразии подходов к определению и оценке трудовой миграции в статье

взято за основу ее понимание и измерение как миграции трудовых ресурсов, а конкретнее пространственные перемещения населения в трудоспособном возрасте [Безбородова, 2011], поэтому объектом исследования выступили миграционные процессы трудоспособного населения в российских регионах. Статистической базой послужили суммарные за пять лет (наиболее актуальными были данные за 2019–2023 гг.) показатели миграции [Численность и миграция ...]. Отсутствие официальных статистических данных за анализируемый период по возвращенным в состав России территориям (Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областям), а также рассмотрение данных Ненецкого автономного округа в составе Архангельской области, а Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в Тюменской области обусловило формирование ряда из 82 регионов РФ.

На основе указанных выше данных получено сальдо прибывших и выбывших за обозначенный период, которое было соотнесено со среднегодовой численностью населения субъектов РФ, рассчитанной в среднем за 2019–2023 гг., и умножено на 1 000. В результате определены пятилетние коэффициенты миграционного прироста населения в трудоспособном возрасте по каждому региону в расчете на 1 тыс. человек.

Все регионы были разделены на четыре условные группы (см. рисунок).

В первые две из них вошли субъекты РФ с чистым притоком трудовых мигрантов, разделенные между собой с помощью медианы положительных коэффициентов миграционного прироста. В свою очередь, регионы с отрицательным трудовым миграционным балансом также разбиты на две группы на основе медианы, но уже среди отрицательных значений соответствующих коэффициентов. В связи с этим в первую группу вошли субъекты с высоким положительным миграционным приростом (20 регионов), во вторую – с низким аналогичным приростом (19), в третью – регионы с низким отрицательным миграционным приростом (22), а в четвертую – с высоким соответствующим приростом (21).

Помимо коэффициентов миграционного прироста населения в трудоспособном возрасте

за 2019–2023 гг. по каждому региону в разрезе общей, межрегиональной и международной трудовой миграции были рассчитаны следующие показатели: оборот миграции как сумма прибывшего и выбывшего населения в трудоспособном возрасте; его региональная структура, темпы роста, средние величины за пять лет; коэффициенты интенсивности миграционного оборота, определенные как отношение миграционного оборота к среднегодовой численности населения региона в среднем за 2019–2023 гг. (в расчете на 1 000 чел. населения); коэффициенты, оценивающие эффективность миграционного оборота и представляющие

собой процентное абсолютного значения миграционного прироста с его положительным или отрицательным знаком (чел.) к миграционному обороту (чел.).

Основным методом исследования выступил квартильный анализ ряда из перечисленных выше показателей, сутью которого является разделение российских регионов по их значениям на четыре примерно равные группы. Соответственно, в статье проведена оценка структуры полученных квартилей с точки зрения распределения в них представителей выделенных групп регионов с различным характером миграционного прироста.

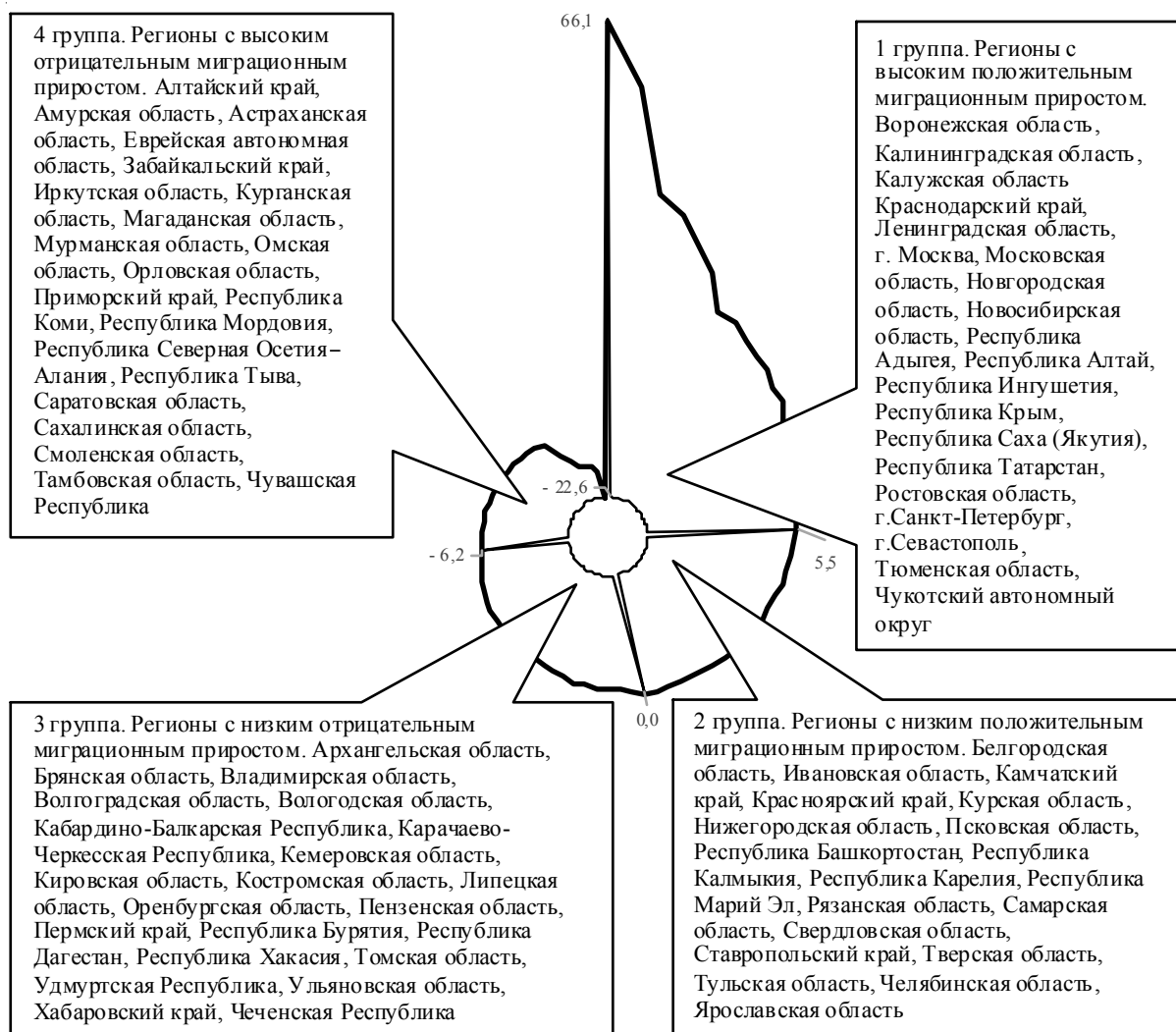


Рисунок. Группировка регионов по коэффициенту миграционного прироста населения трудоспособного возраста

Figure. Grouping of regions based on the coefficient of migration growth of the working-age population

Примечание. Составлено по: [Численность и миграция ...].

Результаты и обсуждение

Группы, представленные на рисунке, характеризуются тем, что количество регионов с положительным миграционным приростом трудоспособного населения меньше (39 субъектов), чем с отрицательным (43 субъекта). Кроме того, выделенные совокупности существенно различаются по своим масштабам. Так, на долю первой группы приходится почти 93 % положительного миграционного прироста в целом по РФ, тогда как удельный вес второй лишь чуть выше 7 %. Доля четвертой группы несколько превышает 66 % совокупного по стране отрицательного миграционного прироста, а третьей – достигает почти 34 %.

Однако нужно отметить, что в настоящей статье анализируются регионы, прежде всего, с итоговым или общим миграционным приростом. Если же рассматривать отдельные компоненты миграционного прироста, то картина существенно меняется. При анализе межрегионального миграционного прироста остаются лишь 19 регионов с положительным балансом, а в части международного – их число увеличивается до 74 субъектов.

В результате сопоставления этих регионов выявлено, что среди указанных выше 39 субъектов РФ с положительным общим миграционным приростом трудоспособного населения 18 обеспечили этот прирост за счет и межрегиональных, и международных трудовых мигрантов, 1 (Камчатский край) – только за счет межрегионального, а 20 – исключительно за счет международного положительного миграционного прироста. Исходя из этого, можно сделать вывод, что международная миграция в определенной степени служит фактором, компенсирующим значительные перекосы в межрегиональной миграции.

Наряду с этим среди самих регионов также имеются особенности. В составе первой группы находятся субъекты с существенно более высоким по сравнению с другими регионами удельным весом в общероссийском положительном общем миграционном приросте трудоспособного населения – это Московская область (27,4 %), г. Москва (13,5 %), Ленинградская область (10,1 %), Краснодарский край (9,0 %), Тюменская область (5,2 %). Совокупная доля этих регионов превышает 65 %.

Стоит заметить, что столь высокая доля обеспечивается, прежде всего, за счет положительного баланса межрегиональной миграции (за исключением Тюменской области, доля которой в этом виде миграции существенно скромнее, 1 %) – здесь удельный вес перечисленных субъектов достигает почти 80 %. В составе этой величины лишь на Москву и Московскую область приходится свыше 53 % чистого притока межрегиональных трудовых мигрантов. В положительном международном миграционном приросте доля всех пяти регионов значительно меньше – чуть более 33 %.

По сути, эти субъекты выступают некими «пылесосами», стягивающими к себе основную часть российских трудовых мигрантов и обуславливающими неравномерность их распределения по территории РФ. В дальнейшем анализе перечисленные пять регионов рассмотрены как определенные «маркеры», которые вместе с другими субъектами будут использованы для усиления подтверждения или опровержения выдвигаемых гипотез. Среди же регионов с отрицательным общим миграционным приростом столь выделяющихся субъектов не наблюдается.

Рассмотрим, насколько подтверждается выдвинутая выше гипотеза. Действительно, с одной стороны, на регионы с положительным миграционным приростом трудоспособного населения приходится свыше 65 % миграционного оборота РФ за 2019–2023 годы. В фокусе внимания пока находится общий миграционный оборот, включающий в себя внутри-, межрегиональный и международный обороты. В составе этой величины 41 % приходится на первую группу, более 24 % – на вторую. Из почти 35 % соответствующего удельного веса регионов с отрицательным миграционным приростом 19 % – доля третьей группы, а около 16% – четвертой. Из этого видно, что ослабление степени участия регионов в миграционном обороте страны сопровождается снижением коэффициента миграционного прироста.

Нужно отметить, что в целом по РФ за анализируемый период миграционная активность населения в трудоспособном возрасте снижается почти во всех регионах (индекс роста за 2019–2023 гг. по стране в целом составил 90,7 %), за исключением пяти – г. Се-

востополь (рост 130,5 %), Республики Саха (Якутия) (124,0 %), Калужской области (119,4 %), г. Москва (103,2 %), Красноярского края (100,8 %). Конечно, эти регионы, кроме Красноярского края, входят в первую группу, но в среднем по этой группе темп роста миграционного оборота составляет 92,4 %, во второй и третьей – примерно по 81 %, в четвертой – 76,1 %. Таким образом, все же чем ниже миграционная активность, тем существеннее снижение коэффициента миграционного прироста.

Рассматривая относительные показатели миграционной активности, одним из которых выступает общий коэффициент интенсивности миграционного оборота (включающий в себя внутри-, межрегиональный и международные обороты), можно заметить, что в регионах с положительным миграционным приростом он составил 242,3, что выше, чем в регионах с противоположным приростом (206,9). Разница между ними в 17 %. Однако здесь обнаруживается, что если субъекты первой группы обладают наивысшим соответствующим коэффициентом в 264,1, то вторым по его величине характеризуются регионы четвертой группы (225,7), третьим – представители второй группы (222,1), а наименьшее его значение отмечается в третьей группе (189,0). Следовательно, в удельном выражении регионы с наибольшими отрицательными значениями коэффициента миграционного прироста имеют сравнительно высокую общую миграционную активность.

В целях углубления анализа выявлено распределение регионов с положительным и отрицательным миграционными приростами трудоспособного населения среди четырех квартилей субъектов по коэффициенту интенсивности общего миграционного оборота.

Реализованный на основе квартильного анализа подход позволяет улавливать закономерности для субъектов РФ, а с другой стороны – выявлять исключения, которыми изобилует российская региональная система. Так, большая часть регионов первой группы миграционного прироста сосредоточена в первом и втором квартилях миграционной интенсивности, субъекты второй группы – в основном во втором и третьем квартилях, третья группа – в третьем и четвертом квартилях, что в целом подтверждает зависимость миг-

рационного прироста от миграционной активности. Как было отмечено, она не соблюдается для регионов четвертой группы – для 12 из 21 субъекта с наиболее высокими величинами чистого миграционного оттока трудоспособного населения характерна высокая и выше среднего по российским регионам интенсивность миграционного оборота. Особенно обращают на себя внимание 7 таких регионов, характеризующихся высокой миграционной активностью (следовательно, и значительным относительным числом прибывающих трудовых мигрантов в эти территории) – это Республика Коми, Смоленская область, Республика Тыва, Приморский край, а также Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, которые к тому же входят в десятку регионов с наиболее высокими значениями коэффициента интенсивности миграционного оборота.

Соответственно, эти субъекты, казалось бы, абсолютно неэффективно используют свою высокую миграционную активность. Тут раскрывается момент на основе еще одного коэффициента эффективности миграционного оборота. Если разбить на квартили все регионы по этому коэффициенту, то четыре из приведенных выше 7 регионов (Магаданская, Мурманская, Сахалинская области и Приморский край) в отличие от трех остальных окажутся не в самом низком, а в чуть более высоком квартиле, аккумулирующем субъекты РФ с эффективностью миграционного оборота ниже среднего.

Соответственно, подобные регионы, несмотря на их сравнительно высокие чистые миграционные оттоки трудоспособного населения, нельзя однозначно отнести к миграционно непривлекательным территориям. На основе этого, а также их не самой низкой эффективности миграционного оборота можно сделать вывод о наличии потенциала в таких субъектах для перелома в положительную плоскость направлений чистых миграционных потоков.

Тем не менее достаточно по-разному распределены по анализируемым квартилям обозначенные выше лидеры по миграционному приросту – пять регионов-«маркеров». В первый квартиль интенсивности миграционного оборота вошла Ленинградская область,

второй – Московская и Тюменская области, третий – Краснодарский край, четвертый – г. Москва. К слову, вместе с Москвой в составе первой группы регионов с высоким чистым притоком трудовых мигрантов характеризуются низкой миграционной активностью также республики Ингушетия и Татарстан. Вместе с тем все перечисленные регионы входят в квартиль субъектов с наиболее высокой эффективностью миграционного оборота. В результате пример последних трех регионов показывает, что значительный положительный миграционный прирост трудоспособного населения можно обеспечивать и в условиях относительно невысокой миграционной активности, повышая ее эффективность. Таким же образом таблица позволяет выявлять и другие регионы как «вписывающиеся» в зависимость миграционного прироста трудоспособного населения от интенсивности миграционного оборота, так и «выпадающие» из нее.

Далее проанализированы в сравнении составные части общего миграционного оборота – межрегиональный и международный. Внутрорегиональный миграционный оборот не был рассмотрен в связи с тем, что Росстатом в официальных данных не приведены его составные элементы в разрезе возрастной структуры населения.

То, что взаимосвязь межрегионального и международного миграционных оборотов с миграционным приростом трудоспособного населения прослеживается более заметно, чем описано выше в части общего оборота, выражается, в частности, в более высокой неравномерности их распределения. На межрегиональном уровне доля первой группы составляет почти 50 %, второй – свыше 19 % (их общий удельный вес – более 69 %), третьей – 17 %, четвертой – 14 %. Международного оборота на первую группу приходится чуть меньше, чем межрегионального, – 46,1 %, но больше на вторую – почти 25 %. В целом же концентрация международного оборота в первой и второй группах заметно выше – 71 %. Удельный вес третьей группы – почти 14 %, а четвертой – несколько выше 15 %. Соответственно, масштабы межрегиональной и международной активности возрастают с увеличением коэффициента миграционного прироста, но вторая более чувствительна к упомянутому коэффициенту.

Темпы снижения за 2019–2023 гг. межрегионального оборота по сравнению с общим оборотом в целом по регионам России ниже (индекс роста по стране – 92,1 %), международный же оборот снизился существенно (соответствующий индекс – 89,1 %). Динамика межрегионального оборота также четко отличается по группам: наиболее сдержанно он снизился в первой группе регионов (индекс роста – 91,7 %), далее во второй – 83,6 %, затем в третьей – 80,9 %, и, наконец, в наибольшей степени сократился в четвертой (79,0 %). В то же время международный оборот продемонстрировал даже рост в ряде анализируемых групп, причем заметнее всего он вырос в третьей группе (в регионах с низким отрицательным миграционным приростом) с индексом 106,7 %, что свидетельствует о потенциале их привлекательности для иностранных мигрантов. Этот же оборот вырос и в регионах первой группы (104,7 %), а в субъектах второй и четвертой групп произошло его снижение (индексы составили 90,4 и 70,9 % соответственно).

Средние коэффициенты интенсивности межрегионального миграционного оборота между регионами с положительным и отрицательным миграционным приростом (110,5 и 88,5 соответственно) различаются на 25 %, что существенно, чем по общему обороту. Такие же коэффициенты в части международного оборота по аналогичным регионам (41,2 и 26,5 соответственно) практически в три раза ниже, что свидетельствует о безусловном преобладающем характере межрегионального оборота над международным. Разница между последними коэффициентами более существенна – превышает 55 %. Это говорит о том, что в удельном выражении различия в международной миграционной активности среди регионов с положительным и отрицательным балансом трудовой миграции более явные, чем в межрегиональном разрезе.

Рассматривая коэффициенты интенсивности межрегионального миграционного оборота по выделенным группам, можно отметить, что по ним так же регионы четвертой группы со значением в 100,2 опережают субъекты второй (89,4) и третьей (77,4), но отстают от первой (131,6). На основании этого субъекты РФ с наиболее высоким чистым

оттоком трудовых мигрантов проявляют весьма заметную межрегиональную активность, которая может быть трансформирована в положительный миграционный прирост. Те же коэффициенты, рассчитанные на международном уровне, распределяются по группам (с первой по четвертую) следующим образом: 47,3; 35,2; 20,7; 32,6 соответственно. Так, вновь миграционная активность четвертой группы не является самой низкой, а наличие повышенной как межрегиональной, так и международной миграционной активности таких регионов может выступать основой для повышения их коэффициента миграционного прироста.

Далее произведена разбивка регионов на четыре квартиля по значениям коэффициентов интенсивности межрегионального и международного миграционного оборота, а также выявлена представленность в них субъектов РФ с различной степенью миграционного прироста (см. таблицу).

Заметное большинство регионов первой группы обладают высоким и уровнем выше среднего значением интенсивности и межрегионального (14 из 20 субъектов), и международного (16 субъектов) миграционного оборота. Это преобладание меньше, но оно есть и во второй группе – 10 и 11 из 19 соответственно.

В обратном порядке распределены регионы с отрицательным миграционным приростом – 15 из 22 представителей третьей группы и 11 из 21 четвертой вошли в два последних анализируемых квартиля. Еще больше субъектов из данных групп оказались в тех же квартилях, но уже международного оборота, – 17 из третьей и 12 из четвертой групп. Таким образом, большинство регионов в целом подтверждает прямую зависимость миг-

рационного прироста от степени миграционной активности.

Как же расположились выделенные выше регионы-«маркеры»? Ленинградская, Московская, Тюменская области вошли в первый квартиль субъектов по межрегиональному миграционному обороту, Краснодарский край же и г. Москва – во второй, но картина меняется при рассмотрении их международного миграционного оборота. По нему в первом квартиле осталась только Тюменская область. Ленинградская и Московская области вместе с Краснодарским краем здесь оказались уже во втором квартиле. Москва «переместилась» в четвертый квартиль. Тем самым представленные регионы-«маркеры» демонстрируют высокую межрегиональную, но заметно меньшую международную активность.

Среди регионов с наиболее высоким относительным чистым миграционным оттоком, входящих в число самых миграционно активных в части межрегионального оборота, в дополнение к упоминавшимся ранее Магаданской, Мурманской, Сахалинской областям, республикам Коми и Тыва, можно выделить Курганскую и Еврейскую автономную области. Однако все эти регионы характеризуются помимо общего отрицательного баланса миграции отрицательным межрегиональным миграционным приростом. Значит, высокая миграционная активность на межрегиональном уровне в подобных регионах выступает потенциалом для обеспечения в них положительного миграционного прироста. В международном аспекте высокую миграционную активность показывают вновь Магаданская, Сахалинская, а также Смоленская, Тамбовская области,

Таблица. Распределение регионов в зависимости от коэффициентов миграционного прироста и интенсивности межрегионального, международного миграционного оборота, ед.

Table. The distribution of regions depending on the coefficients of migration growth and the intensity of interregional and international migration turnover, units

По коэффициенту миграционного прироста	По коэффициенту интенсивности миграционного оборота							
	межрегиональный оборот				международный оборот			
	Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2	Q3	Q4
1-я группа	9	5	2	4	8	8	0	4
2-я группа	3	7	4	5	6	5	6	2
3-я группа	2	5	6	9	2	3	6	11
4-я группа	7	3	8	3	5	4	8	4

Примечание. Составлено автором по: [Численность и миграция ...].

Республика Мордовия. При этом во всех этих регионах, за исключением Смоленской области, отмечается положительный прирост международных трудовых мигрантов. Это свидетельствует о том, что даже в субъектах с наибольшими итоговыми значениями отрицательного относительного миграционного прироста можно найти подтверждения их миграционной привлекательности, способные выступить отправной точкой для обеспечения чистого притока в них трудовых мигрантов.

Выводы

1. Региональная структура положительного сальдо трудовой миграции по стране существенно более неравномерна, чем отрицательного. Эту неравномерность, прежде всего, обуславливает межрегиональная миграция, в которой основная часть чистого притока трудовых мигрантов приходится на Москву, Московскую, Ленинградскую области и Краснодарский край. Наряду с этим такие диспропорции заметно компенсируют международные миграционные процессы, обеспечивающие положительный баланс трудовой миграции из-за рубежа более чем 71 региону.

2. Гипотеза, сформулированная в начале исследования, подтвердилась. С одной стороны, для большинства регионов соблюдается зависимость: чем активнее в миграционном

отношении регион, тем выше сальдо его трудовой миграции. Это показали и пропорции распределения абсолютного объема миграционного оборота РФ, и различия в темпах его роста. С другой стороны, выявилось относительно высокое значение коэффициента интенсивности миграционного оборота для группы субъектов с наибольшим чистым миграционным оттоком трудоспособного населения. В дальнейшем при квартильном анализе регионов по упомянутому коэффициенту в первых квартилях, характеризующих высокую миграционную активность, обнаружены представители этой же группы (регионы-«исключения»), при этом не обладающие самой низкой эффективностью миграционного оборота (Магаданская, Мурманская, Сахалинская области и Приморский край). Такие же регионы-«исключения» были выявлены и при структурном анализе межрегионального и международного миграционного оборотов.

В результате определено, что региональная система РФ обладает субъектами с наиболее высокими значениями относительного чистого оттока трудовых мигрантов, характеризующимися миграционной привлекательностью, что проявляется в их весьма заметной миграционной активности (как на межрегиональном, так и на международном уровнях), которая может быть трансформирована в положительный миграционный прирост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безбородова, Т. М. К вопросу об определении понятия и административно-правового статуса трудового мигранта / Т. М. Безбородова // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4 (40). – С. 90–93.
- Карова, Е. А. Миграция человеческого капитала / Е. А. Карова // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 45.
- Карцева, М. А. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния / М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4 (181). – С. 87–97.
- Лифановская, О. В. Трудовая миграция как способ управления рисками кадрового голода в России / О. В. Лифановская, В. Н. Гришин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 2-1. – С. 373–384.
- Моисеева, Е. М. Выталкивающие факторы миграции населения российских регионов в разрезе возрастной структуры / Е. М. Моисеева // Пространственная экономика. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 114–137. – DOI: 10.14530/se.2025.2.114-137
- Позняков, В. В. Миграционные потоки трудовых ресурсов как индикатор рисков экономической безопасности / В. В. Позняков, Н. В. Капустина, Т. В. Родкина // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 1–12.
- Пруель, Н. А. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы / Н. А. Пруель, Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1 (110). – С. 133–158. – DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158

- Современные тенденции межрегиональных миграций в России / Н. Ю. Микрюков [и др.] // Научное обозрение. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2020. – № 3/4. – С. 15–30. – DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-02
- Топилина, А. В. Трудовая миграция в современной России: проблемы и перспективы / А. В. Топилина, О. В. Кузьменко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 3 (166). – С. 45–50.
- Топунова, И. Р. Экономика миграции: влияние трудовых мигрантов на локальные рынки труда / И. Р. Топунова, Р. Н. Ахметзянов, З. Х. Гергова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 8, № 2 (155). – С. 53–62. – DOI: 10.36871/ek.up.r.2025.02.08.007
- Тухтарова, Е. Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВВП регионов России / Е. Х. Тухтарова // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 4. – С. 163–177. – DOI: 10.19181/population.2022.25.4.14
- Филатова, М. Н. Современные механизмы регулирования трудовой миграции на региональном уровне / М. Н. Филатова, Т. В. Еремичева // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 1. – С. 30–41. – DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-30-41
- Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
- Arango, J. Explaining Migration: A Critical View / J. Arango // International Social Science Journal. – 2000. – Vol. 165. – P. 283–296. – DOI: 10.1111/1468-2451.00259
- Carling, J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences / J. Carling // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2002. – Vol. 28, № 1. – P. 5–42. – DOI: 10.1080/13691830120103912
- Castles, S. International Migration at the Beginning of the Twenty-First Century: Global Trends and Issues / S. Castles // International Social Science Journal. – 2000. – Vol. 165. – P. 269–281. – DOI: 10.1111/1468-2451.00258
- Castles, S. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World / S. Castles, M. Miller, G. Ammendola // American Foreign Policy Interests. – 2005. – Vol. 27. – P. 537–542. – DOI: 10.1080/10803920500434037
- Faist, T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces / T. Faist. – Oxford : Clarendon Press, 2000. – 380 p. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198293910.001.0001
- Harris, J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro // American Economic Review. – 1970. – Vol. 60, № 1. – P. 126–142. – DOI: 10.2307/1807860
- Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World / M. Bell [et al.] // Population and Development Review. – 2015. – Vol. 41, № 1. – P. 33–58. – DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00025.x
- Lee, E. S. A theory of migration. Demography / E. S. Lee. – 1966. – Vol. 3, № 1. – P. 47–57. – DOI: 10.2307/2060063
- Mabogunje, A. L. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration / A. L. Mabogunje // Geographical Analysis. – 1970. – Vol. 2, № 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x
- Massey, D. S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration / D. S. Massey // Population Index. – 1990. – Vol. 56, № 1. – P. 3–26. – DOI: 10.2307/3644186
- Piore, M. J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies / M. J. Piore – Cambridge : Cambridge University Press. – 1979. – 240 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511572210
- Stark, O. The migration of labor / O. Stark. – Cambridge ; Oxford : Blackwell, 1991. – 406 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511572210
- Wallerstein, I. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730-1840's / I. Wallerstein. – San Diego : Academic Press, 1989. – 388 p.
- Why do People Stay? Insider Advantages and Immobility / P. A. Fischer [et al.] // HWWA Discussion Paper. – 2000. – Vol. 112. – P. 1–40. – DOI: 10.22004/AG.ECON.26310

REFERENCES

- Bezborodova T.M. K voprosu ob opredelenii ponyatiya i administrativno-pravovogo statusa trudovogo migranta [Labor Migrant: To the Definition of the Concept and Administrative-Legal Status]. *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of the Modern Economy], 2011, no. 4 (40), pp. 90-93.
- Karova E.A. Migraciya chelovecheskogo kapitala [Human Capital Migration]. *Vestnik yevrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2020, vol. 12, no. 1, p. 45.

- Kartseva M.A., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Migratsiya v Rossii i socialno-ekonomicheskoye razvitiye regionov: analiz vzaimnogo vliyaniya [Migration in Russia and Regional Socioeconomic Development: Cross-Impact Analysis]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2020, no. 4 (181), pp. 87-97.
- Lifanovskaya O.V., Grishin V.N. Trudovaya migratsiya kak sposob upravleniya riskami kadrovogo goloda v Rossii [Labor Migration as a Method of Managing Workforce Shortage Risks in Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2025, vol. 15, no. 2-1, pp. 373-384.
- Moiseeva Ye.M. Vytalkivayushchiye faktory migratsii naseleniya rossijskikh regionov v razreze vozrastnoj struktury [Push Factors of Population Migration in Russian Regions in Terms of Age Structure]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2025, vol. 21, no. 2, pp. 114-137. DOI: 10.14530/se.2025.2.114-137
- Poznyakov V.V., Kapustina N.V., Rodkina T.V. Migratsionnye potoki trudovykh resursov kak indikator riskov ekonomicheskoy bezopasnosti [Labor Migration Flows as an Indicator of Economic Security Risks]. *Vestnik yevrazijskoj nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2025, vol. 17, no. s4, pp. 1-12.
- Pruyel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migratsiya v sovremennoj Rossii: masshtaby, osnovnye napravleniya i problemy [Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems]. *Regionologiya* [Regionology], 2020, vol. 28, no. 1 (110), pp. 133-158. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158
- Mikruykov N. Yu., Pismennaya E.E., Bezverbnii V.A., Ryazantsev S.V. Sovremennye tendentsii mezhregionalnykh migratsij v Rossii [Modern Trends of Interregional Migration in Russia]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Scientific Review. Series 2. Humanities], 2020, no. 3/4, pp. 15-30. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-02
- Topilina A.V., Kuzmenko O.V. Trudovaya migratsiya v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy [Labor Migration in Modern Russia: Problems and Prospects]. *Nauka i obrazovaniye: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravleniye* [Science and Education: Economics and Business; Law and Management], 2024, no. 3 (166), pp. 45-50.
- Topunova I.R., Akhmetzyanov R.N., Gergova Z.Kh. Ekonomika migratsii: vliyaniye trudovykh migrantov na lokalnye rynki truda [Migration Economics: Impact of Labor Migrants on Local Labor Markets]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2025, vol. 8, no. 2 (155), pp. 53-62. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.08.007
- Tukhtarova E.Kh. Vliyaniye trudovoj migratsii na chelovecheskij kapital i VRP regionov Rossii [Impact of Labor Migration on Human Capital and GRP of Russian Regions]. *Narodonaseleniye* [Population], 2022, vol. 25, no. 4, pp. 163-177. DOI 10.19181/population.2022.25.4.14
- Filatova M.N., Yeremicheva T.V. Sovremennye mekhanizmy regulirovaniya trudovoj migratsii na regionalnom urovne [Modern Regulating Mechanisms for Labor Migration at the Regional Level]. *Problemy rynochnoj ekonomiki* [Problems of the Market Economy], 2025, no. 1, pp. 30-41. DOI: 10.33051/2500-2325-2025-1-30-41
- Chislennost i migratsiya naseleniya Rossijskoj Federatsii [Population Size and Migration of the Russian Federation]. *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
- Arango J. Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*, 2000, vol. 165, pp. 283-296. DOI: 10.1111/1468-2451.00259
- Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2002, vol. 28, no. 1, pp. 5-42. DOI: 10.1080/13691830120103912
- Castles S. International Migration at the Beginning of the Twenty-First Century: Global Trends and Issues. *International Social Science Journal*, 2000, vol. 165, pp. 269-281. DOI: 10.1111/1468-2451.00258
- Castles S., Miller M., Ammendola G. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. *American Foreign Policy Interests*, 2005, vol. 27, pp. 537-542. DOI: 10.1080/10803920500434037
- Faist T. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford, Clarendon Press, 2000. 380 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198293910.001.0001
- Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*, 1970, vol. 60, no. 1, pp. 126-142. DOI: 10.2307/1807860
- Bell M., Charles-Edwards E., Ueffing P., Stillwell J., Kupiszewski M., Kupiszewska D. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41, no. 1, pp. 33-58. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2015.00025.x
- Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47-57. DOI: 10.2307/2060063

- Mabogunje A.L. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration. *Geographical Analysis*, 1970, vol. 2, no. 1, pp. 1-18. DOI: 10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x
- Massey D.S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 1990, vol. 56, no. 1, pp. 3-26. DOI: 10.2307/3644186
- Piore M.J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 240 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210
- Stark O. *The Migration of Labor*. Cambridge, Oxford, Blackwell, 1991. 406 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210
- Wallerstein I. *The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's*. San Diego, Academic Press, 1989. 388 p.
- Fischer P., Holm E., Malmberg G., Straubhaar Th. Why Do People Stay? Insider Advantages and Immobility. *HWWA Discussion Paper*, 2000, vol. 112, pp. 1-40. DOI: 10.22004/AG.ECON.26310

Information About the Author

Elena I. Yangirova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Operational Management, Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, beglovaelena75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9863-0200>

Информация об авторе

Елена Ирековна Янгирова, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой стратегического управления, Уфимский университет науки и технологий, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, beglovaelena75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9863-0200>